

В объективе камеры машина медленно въезжает на территорию японского ведомства.

Подчиненные выходят из автомобиля и открывают дверь. Цинь Чао выбирается наружу, поправляет одежду, мгновенно расплывается в улыбке и широким шагом направляется к зданию.

Навстречу ему попадается полковник.

— Полковник, зачем вы меня звали, есть какие-то указания? — с угодливой улыбкой спрашивает Цинь Чао.

Полковник говорит:

— Скоро сверху пришлют секретные сведения. В последнее время нужно соблюдать строжайшую бдительность. Обрати на это особое внимание, нельзя допустить утечки информации, иначе всем конец.

Строго пресекай любые происки гоминьдановских и коммунистических агентов, каждого подозреваемого необходимо задерживать и допрашивать.

Цинь Чао заверяет:

— Полковник, я усилю охрану, мы ни за что не позволим врагам просочиться внутрь.

Полковник, у меня сегодня во второй половине дня еще задание, я тогда пойду.

Попрощавшись с полковником, Цинь Чао возвращается в машину.

— Снято, отлично, на сегодня до обеда работа закончена.

Утро на съемочной площадке Чэнь Мэнъюнь.

Цзян Ся вместе с толпой патриотически настроенных студентов участвует в акционном протесте.

Цзян Ся смотрит на то, как преподаватель на трибуне произносит страстную и воодушевляющую речь. Глаза ее сияют, она вместе со всеми печатает газеты и агитационные листовки.

Стоящий рядом однокурсник спрашивает:

— Цзян Ся, почему ты тоже решила присоединиться к протесту?

— Ради родины. Захватчики замучили так много наших соотечественников, я просто хочу сделать хоть что-то посильное, — с улыбкой отвечает Цзян Ся.

Однокурсник произносит:

— Да ты просто героиня!

— Героиня? — бормочет про себя Цзян Ся, словно спрашивая саму себя или же выражая несогласие.

Ли Ихуа командует:

— Снято! Цзян Ся прекрасно сыграла, эмоции переданы точно. Отлично, перерыв.

Сяо Фэй спешно подбегает и набрасывает на плечи Чэнь Мэнъюнь пальто — погода всё еще холодная, кончик носа и лицо Чэнь Мэнъюнь даже побелели от холода.

В полдень Сяо Фэй вместе с водителем подгоняет дом на колесах и приносит еду персонально для Чэнь Мэнъюнь.

Чэнь Мэнъюнь сидит в трейлере:

— Сяо Фэй, сходи позови преподавателя Цзяна, скажи, что у меня к нему дело.

Чэнь Мэнъюнь знает, что Цзян И, скорее всего, питается вместе со всей съемочной группой обычными коробочными обедами, и в душе ей становится немного жаль его. Поэтому она придумывает предлог и отправляет Сяо Фэй позвать Цзян И: глядя на такое количество блюд, она сама точно всё не съест.

Сяо Фэй находит Цзян И. Т как раз только что получил свой коробочный обед и собирается найти какое-нибудь местечко, чтобы поесть.

Цзян И не слишком переборчив в еде: на съемочной площадке каких только пайков он не повидал, лишь бы наестся — и ладно.

— Преподаватель Цзян, моя старшая сестра велела позвать вас, говорит, есть дело, — запыхавшись, произносит Сяо Фэй.

— А твоя сестра не сказала, что за дело? — спрашивает Цзян И.

Сяо Фэй отвечает:

— Нет, просто велела подойти.

— Хорошо.

Цзян И подходит к дому на колесах и некоторое время мнетя, не зная, подниматься ли внутрь.

Чэнь Мэньюнь открывает дверцу:

— Залезай, как раз в машине есть обеденный стол, так будет удобнее.

Цзян И садится напротив Чэнь Мэньюнь и открывает коробку с едой.

— Как дела? В первый день удалось освоиться?

Чэнь Мэньюнь выбирает из своей порции все кусочки мяса и перекладывает их в тарелку Цзян И:

— Всё нормально, только холодно очень.

Цзян И хмурится:

— Ты что, опять решила сесть на диету?

Чэнь Мэньюнь думает, что Цзян И нахмурился из-за того, что она мало ест:

— Да нет же, ты же знаешь, я не особо люблю мясо, да и еды многовато, я одна не справлюсь.

Цзян И интересуется:

— Кстати, зачем звала?

— Позвала тебя, чтобы ты помог мне уничтожить еду, оставлять еду — это позор, — Чэнь Мэньюнь бросает на Цзян И выразительный взгляд.

После обеда Цзян И покидает съемочную площадку, спрашивает прохожих, находит супермаркет и покупает там грелку для воды, а заодно целую пачку согревающих пластырей.

Вернувшись на площадку и опасаясь потревожить дневной отдых Чэнь Мэнъюнь, он отдает вещи Сяо Фэй и дает ей подробные наставления:

— Пластыри нельзя клеить прямо на кожу, легко получить ожог, лучше всего крепить их поверх одежды. И скажи своей сестре, чтобы она наклеила их и на подошвы ног, а то потом будет мучиться от дикой боли.

Когда Чэнь Мэнъюнь просыпается после полуденного отдыха, Сяо Фэй заходит в фургон, держа в руках пакеты.

— Ты ходила покупать грелку? Сестра и правда не зря о тебе заботится.

— А? Это не я купила, это преподаватель Цзян тебе приобрел.

Сестра, а преподаватель Цзян к тебе неплохо относится! Видишь, испугался, что ты замерзнешь, побежал покупать грелку и согревающие пластыри даже без перерыва на обед. И еще мне все уши прожужжал, как ими пользоваться, велел даже на подошвы наклеить, говорит, иначе ты потом от боли начнешь на стену лезть.

Слушай, сестрица, а от чего это ты так сильно мучаешься? — тараторит Сяо Фэй без умолку.

Лицо Чэнь Мэнъюнь заливается румянцем, в памяти всплывают воспоминания. Когда-то давно, когда они оба перебивались случайными ролями массовки, выдался на редкость холодный день, и как назло у нее начались критические дни — да так сильно прихватило живот, что она чуть в обморок не упала. Хорошо еще, что Цзян И пришел ее навестить.

Тогда он, увидев ее смертельно бледное лицо и покрытый капельками потливости лоб, тут же подхватил ее на руки и помчался в больницу.

— Я в порядке, не нужно в больницу, просто выпью обезболивающее, — обессиленно шептала Чэнь Мэнъюнь.

— Нет уж, раз тебе так плохо, тянуть нельзя, — встревоженно говорил Цзян И.

— Да правда всё хорошо, это не болезнь, просто... эти дни начались.

Цзян И упрямо настаивал:

— Какие еще эти дни? Ничего не знаю, живо в больницу.

Чэнь Мэнъюнь смущенно объяснила:

— Ну, месячные у меня пришли, теперь понятно?

В конце концов она не смогла переупрямить Цзян И, и они поехали в больницу. Врач строго наказал беречься от холода, так как у нее обнаружилось воспаление придатков.

Вспоминания, как Цзян И метался вокруг нее со всего заботливым и испуганным видом, Чэнь Мэньюнь чувствует, будто в ее сердце проникает лучик теплого солнца.

— Сестра, о чем задумалась?

— Ни о чем, не твое дело, спрашивай меньше. Просто проявление заботы от друга.

Вспоминания обрываются, и Чэнь Мэньюнь на мгновение погружается в задумчивость.

Возможно, именно тогда он уже поселился в ее сердце? Жаль только, что он настоящий дуболом, совсем ничего не понимает, — вздыхает Чэнь Мэньюнь.

Начинаются съемки дневных сцен. По сюжету Цзян Ся вместе с остальными студентами проводит уличную демонстрацию, а Цинь Чао во главе отряда отправляется разгонять шествие и проводить аресты.

На площадке помощники режиссера начинают организовывать статистов и реквизит, толпа шумно, но слаженно выполняет свои задачи.

Цзян И и Чэнь Мэньюнь подправляют грим.

Чэнь Мэньюнь прижимает к себе грелку:

— Это ты мне купил? Спасибо.

— Пустяки, погода холодная, боялся, что ты заболеешь и сорвешь работу, — невозмутимо отвечает Цзян И.

Чэнь Мэньюнь бросает на Цзян И косой взгляд и закатывает глаза:

— Хотел проявить заботу — так бы и сказал, вечно ты ломаешься, тебе самому не надоело?

— Ничего я не ломаюсь, ничего такого не было, не придумывай! — выдает Цзян И классическую тройную защиту.

— Ну нет так нет, просто у тебя во всем теле крепче всего язык работает, — Чэнь Мэнъюнь решает больше не продолжать этот разговор с Цзян И.

Оба направляются на съемочную площадку. Ли Ихуа еще раз объясняет им детали и дает команду к началу.

Цзян И вместе с другими статистами занимает исходную позицию. Глядя на затерявшуюся среди толпы Чэнь Мэнъюнь, он не может не признать — она невероятно хороша собой, просто ослепительна. Она всегда приковывает к себе все взгляды, рядом с ней остальные словно меркнут.

Цзян Ся идет впереди всех, выкрикивая лозунги. В этот момент Цзян И получает условный знак и вступает в кадр.

Марионетки-коллорабационисты с дубинками в руках с разбегу врезаются в толпу, разгоняя студентов во все стороны.

Цинь Чао стоит на месте, неторопливо покуривая сигарету и наблюдая за царящим вокруг хаосом. В его позе одновременно читаются ленивая расслабленность и угрожающая властность. Он не произносит ни единого слова, но от него исходит такая леденящая аура, что у зрителей невольно замирает сердце от страха.

Чэнь Мэнъюнь смотрит на Цзян И. Сквозь пелену дыма его глубокий взгляд кажется притягательной воронкой, способной затянуть на дно.

Ли Ихуа кричит:

— Стоп! Чэнь Мэнъюнь, ты чего зависла? И еще: во взгляде на Цинь Чао должна читаться ненависть, исправься.

— Прошу прощения, режиссер.

Проклятый Цзян И, умеет же затуманить мозги, — с досадой думает Чэнь Мэнъюнь.

Ли Ихуа командует:

— Отлично, держи этот настрой, дубль два!

Цзян Ся не поддается общей панике, в отличие от остальных. Она стоит неподвижно, сверля Цинь Чао ненавидящим взглядом, а затем пользуется суматохой и скрывается.

Цинь Чао словно чувствует на себе чей-то враждебный взгляд, озирается по сторонам, но ничего подозрительного не замечает. Дождавшись, когда толпу разгонят окончательно, он для вида задерживает парочку человек и уводит своих людей.

На этот раз сцену снимают с первого дубля.

<http://bllate.org/book/21025/2137192>